

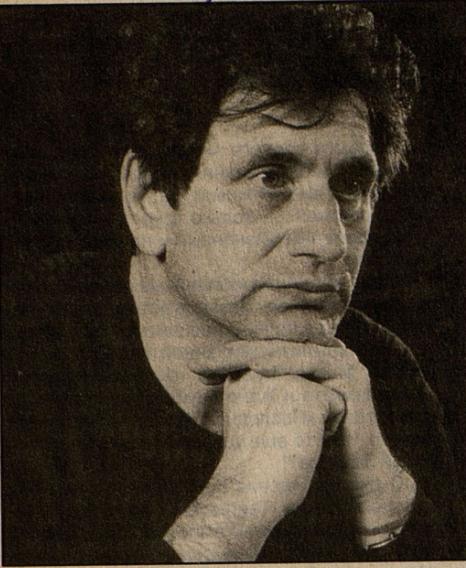
0.9.2003
(сент.)

Театральное дело - 2003

Сентябрь 2003 г.

№ 9 - С. 4

28

ЕВГЕНИЙ КНЯЗЕВ: ГЛАВНОЕ В НАШЕЙ ПРОФЕССИИ - СТАРАТЬСЯ БЫТЬ МОЛОДЫМ

У этого человека много званий, регалий. Он - народный артист, ведущий актер одного из самых знаменитых театров страны - Вахтанговского. Профессор, а с нового учебного года, вернее с июля 2003 года - и ректор Щукинского училища при Государственном

академическом театре им. Евг. Вахтангова. Изюминка его творческой жизни состоит еще и в том, что он - один из любимых актеров Петра Наумовича Фоменко. Он очень страстен и горяч на сцене, а в жизни - скромен и даже немного застенчив. Совсем не похож на мэтра...

- Евгений Владимирович, какая из ваших нынешних «ипостасей» сейчас самая главная?

- Мне кажется, что все, чем я сейчас занимаюсь - это смысл жизни. И когда мне не хватает времени на выполнение какого-либо дела - это нормально. Вот если у меня время остается, я не знаю, чем заняться.

- Суета не заедает?

- А на суету не остается времени. С трудом нахожу паузы, чтобы успеть что-то для дома: делаю фактически все один, поскольку я - единственный мужчина в доме, у меня одни женщины: дочери, жена, теща.

- Вы производите впечатление такого романтического и страстного человека на сцене: Вы - поэт в душе?

- Не знаю... Мне нравится раннее утро, нравится ехать по дороге, когда хлещет дождь, и когда «дворники» на лобовом стекле размахивают эту воду. А я куда-то спешу. Мне жалко становится людей, которые идут пешком, и если мне в этом несчастье встречается человек, который бежит под дождем без зонта, я могу его подвести...

- Вас, как актера, питают жизненные впечатления?

- Конечно! Например, когда работаю со студентами, вспоминаю какие-то ситуации, которые были со мной. Вот сегодня утром я ходил в тумане, и было ощущение невесомости. Я его запомнил...

- Вы ведь не сразу пошли в эту любимую профессию. Вначале планировали для себя совсем иной путь...

- Да, я учился в горном институте, закончил его. И получил диплом о том, что я инженер подъемно-транспортных машин. К актерской профессии я шел очень трудно и долго. Сейчас вспоминаю, что когда-то давно она возникла «в недрах» меня, но произнести вслух я этого не мог, потому что в семье не было никаких предпосылок к актерству. Жил я тогда недалеко от Ясной Поляны, это было тихое место: не деревня, а просто такое поселение людей разных национальностей. Однажды мама отвезла меня в театр, я увидел, как открылся занавес, началось действие, и это мне задало в душу. Но я никому не говорил о своих мечтах, стеснялся. Я вообще по жизни очень стеснительный человек, был и остаюсь таким. Мне даже сейчас нужно постоянно преодолевать себя: как на сцену выходить - начинается сердцебиение, но, когда произносишь первую фразу и уже пошло, то вроде ничего, отпускает. А тогда втайне от всех я заходил в книжный магазин посмотреть правила приема в театральный институт. Я прочитал, что нужно учить стихотворение, басню, прозу и монолог. И выучил монолог Незнамова из пьесы «Без вины виноватые». Потом, как Вы знаете, я эту роль сыграл.

- А Вахтанговскую школу, т.е. Щукинское училище Вы выбрали не случайно?

- Я занимался самодеятельностью, у нас был руководитель студии в горном институте - Зоя Васильевна Григорьева. Она закончила заочное отделение Щукинского училища, и от нее я узнал, что это очень хорошее учебное заведение. Поступать мне было сложно. Я должен был в Министерстве взять разрешение на получение второго высшего образования. И вместо того, чтобы готовиться к сочинению, истории, коллоквиуму, я провел весь месяц в министерстве. Меня посылали по разным кабинетам, а я ведь уже был не молодой, мне был 21 год. Доходило до того, что чиновники меня спрашивали: «Они вас точно принимают? А что вы можете показать?» Я не знал, что показать и предлагал им что-нибудь прочитать. Они милостиво соглашались: «Ну, почитайте нам что-нибудь». И я, понимая, что делаю глупость, им читал. Мне было стыдно, но я очень хотел получить эту бумагу. Я читал и чувствовал, что они подсмеивались надо мной. Стыдно даже вспоминать...

- Сейчас профессор Князев принял бы того молодого Женю Князева в Щукинское училище?

- Конечно, принял бы, а иначе кто бы ректором потом был?! (Смех) Я ведь поступал в театральный и раньше, после школы, в 16 лет. Дошел до 3-го тура. Мне тогда сказали: «Сейчас у тебя нет никаких оснований, но ты не бросай этого дела, и в следующем году приходи поступать. Ты сейчас молод, тебе нужно поднажать». Я тогда отнесся к этим словам, как к отговорке. А сейчас мы сами говорим такие слова, когда видим, что человек еще не созрел.

- А можете ли вы «однозначно» сказать человеку: «Нет, вы - не актер!»

- Нет, я не беру на себя такой ответственности, потому что всегда вспоминаю себя в том качестве. Я же не знаю, что творится у него внутри. Может быть, есть какой-то внутренний зажим, и ему нужно раскрыться где-то в другом месте. И я говорю: «Ты сейчас конкурс выдержи не можешь, но попробуй где-нибудь в другом месте, может быть, там у тебя все получится». А взять на себя ответственность сказать: «Ты не талантливый», - я лично не могу. Даже когда веду курс, и мне приходится отчислять студента по каким-то причинам, я никогда не отчисляю по профессиональной непригодности.

- Евгений Владимирович, Вы сами сказали, что Вы - человек застенчивый, скромный, а это всегда чувствовал. Но ведь теперь Вы - ректор, а на этой должности нужно иногда стукнуть кулаком по столу или прикрикнуть строгим начальственным голосом. Вам это под силу?

- Да. Но я не буду стучать и кричать. Ведь важно, какой поступок ты совершаешь, не как ты его совершаешь. Можно совершать поступки достаточно жесткие, но не обязательно делать это громко и с криком. Можно спокойно сказать: «Сейчас за содеянное ты должен понести наказание, я считаю, что наказание должно быть таким-то. Ты должен быть отчислен из института. Поэтому никакие оправдания я не принимаю, ты отчисляешься». Я так поступал всегда и продолжал поступать. Может быть, это называется «мягко»...

- Раз уж мы начали с педагогики, не могу не перейти к вопросу школы. Как Вы считаете, есть ли такое понятие, как Вахтанговская школа, считаете ли себя истинным вахтанговцем? Что Вы говорите своим студентам о традиции Щукинского училища?

- Сейчас довольно часто можно слышать от влиятельных театральных деятелей, дескать, давайте отбросим такое понятие, как театральная школа. В какой-то степени это верно, потому что, в конечном итоге, для актера, если он талантливый, неважно, какую школу он окончил. С другой стороны, говорить «Давайте отбросим все школы», - означает зачеркнуть имя своей собственной матери. Вроде того, что нас родила одна «усредненная» мать, не важно, какая. Но мы же учились в этой школе, ей 80 с лишним лет, эту школу создал Вахтангов, основоположник знаменитого театра! Тогда давайте снимем все названия театров, и не будет театра Вахтангова, не будет МХАТа, не будет Театра им. Пушкина, которым в свое время руководил Таиров! Но, если мы говорим, что хотим уважительно относиться к своей истории, к предкам, тогда мы должны оберегать свое достоинство. С другой стороны, кричать «с шашкой наголо», что наша школа самая лучшая, это было бы нескромно. Хотя своим студентам я всегда буду говорить, что наша школа замечательная, потому что у нее есть своя история. Мы работаем по программе, которая была создана в 1914 году. Кто-то может сказать, что это плохо, а я считаю, что это хорошо! Она немножко модернизировалась, в нее привносилось новое, но ту методологию, которую предложил Евгений Вахтангов и потом развивал Борис Завава, мы сохранили. Ведь они выбрали то рациональное, что может помочь воспитать артиста. Вот говорят: «Этот спектакль мхатовского направления, а тот - вахтанговского». Значит, это направление все-таки существует. Но что это такое п р а к т и ч е с к и? Вряд ли объяснишь... Гово-

рить, что это яркая форма при глубоком содержании - банально. Главное в вахтанговской актерской профессии - это стараться не унывать, стараться быть всегда молодым. Когда я был молодым артистом, у нас шел спектакль «Скупщик детей». Там играла замечательная актриса, которая работала вместе с Вахтанговым, - Нина Андреевна Андреева. Она была уже далеко не молода, ее привозили на машине, у нее было плохо с ногами. Ее под руки подвели к сцене. Но как только подошла очередь ее реплики, она выпархивала на подмостки и играла. А когда уходила со сцены, опять обмякала. Это, наверное, может сказать актер о любой театральной школе. Но, так как я с этим сталкивался, то могу утверждать, что это неперменное свойство вахтанговского артиста: быть всегда молодым, не бояться падать, а, падая, снова подниматься.

- Наверное, это непростой вопрос, но мне хочется его задать. Считаете ли Вы себя реализованным, достаточно востребованным в своем театре?

- (Долгая пауза) Я обихаживаю на театр Вахтангова не впрямую. Я востребован. Я играю, много играю. Может быть, я не получил тех ролей, которые хотел бы получить, и теперь уже не получу. Наверное, это каждый актер может сказать о себе. У каждого человека относительное самого себя есть индивидуальное представление о своем месте в жизни. Я не хочу гневить Бога. Я сыграл в театре Вахтангова те роли, которые дали мне имя, уверенность в себе. Которые дали мне возможность в определенный период крепко встать на ноги. Я благодарен режиссерам, с которыми работал, прежде всего - Петру Наумовичу Фоменко. Я чувствую в себе силы играть еще больше, но, вероятно, у театра существует какая-то политика. Я ведь не могу переходить из спектакля в спектакль. Я не виноват, что спектакль «Ночь игуаны», который делался «на меня», не получился, и его сняли с репертуара. Это был очень тяжелый период для меня, я думал, что не оправлюсь больше, и даже попал в больницу после этого. Не задался спектакль, что-то не случилось. Я обычно всегда четко ощущаю зрительный зал. А в том спектакле я его не понимал. Я был на сцене 3 часа, не уходя с нее ни на секунду. У меня были огромные монологи, тексты, диалоги, танцы, бегание по лестницам. А заканчивался спектакль, умирали мои персонажи, и я говорил себе: «А для чего все это? Что ты сейчас сыграл? Что ты сейчас сказал зрителям? Ничего!» И уходил больной.

- А после хорошего спектакля Вы легко выходите из роли?

- Нет. Спектакль не отпускает достаточно долго. Это не значит, что нужно пойти и обязательно в каком-нибудь заведении «расслабиться», чтобы выйти из этого состояния. Для меня лично в этом нет необходимости. Мне достаточно выйти из театра и побыть какое-то время наедине с самим собой.

- Принято считать, что актер - подневольный человек. Это было и во времена Незнамова, это, наверное, есть и сейчас. Вам знакомо это чувство?

- Актерская профессия предполагает выполнение чужой воли. Моя задача, моя работа заключается в том, что я должен выполнить волю режиссера, ту задачу, которую он ставит передо мной. И моя профессия заключается в том, что я это должен оправдать, донести это до зрителя, и чтобы это было убедительно. А зависимость?.. Да, мы всегда зависимы, к сожалению. Но, если ты независим, то результат тоже может быть достаточно неинтересный. В том смысле, что актер - это, прежде всего, индивидуальность. И у него есть набор приспособлений, штампов. И если пришел человек со стороны, который хочет что-то в тебе поменять или найти в тебе какие-то новые краски, а ты ему сопротивляешься и не выполняешь его волю, то из роли в роль будет переходить одна и та же фигура и произносить разные слова. Это тоже, мне кажется, неправильно.

- А Вы - хороший партнер? Часто ли Вам коллеги говорят: ты здорово сыграл, с тобой легко?

- Не знаю, имею ли я право так говорить или нет, но однажды после спектакля «Без вины виноватые» Юлия Константиновна Борисова мне сказала: «Вы - партнер, с которым мне хорошо». Может, она этого и не помнит, но я это запомнил. Мне это было лестно и важно.

Вопросы задавал Павел ПОДКЛАДОВ

Князев Евгений